

# КОВОКЪ ВЪНЪ

№ 10186 ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

О.-ПЕТЕРБУРГЪ, ВОСКРЕСЕНЬЕ, 11-го (24-го) ЮЛЯ 1904 ГОДА.

## ПИСЬМА КЪ ВЛИЖИМЪ.

Памяти А. П. Чехова.

«Тебя, какъ первую любовь, Россія сердце не забудетъ». Чеховъ не былъ первою любовью Россіи, но былъ послѣднею ея любовью, послѣднею надеждою на появленіе великаго писателя на склонахъ какъ будто уже зашедшаго золотого вѣка нашей литературы. Тяжесть утраты этого большого таланта была бы неизлечима, если бы не была ослаблена четырнадцатью годами страха за эту жизнь. Уже четырнадцать лѣтъ назадъ вся образованная Россія была опечалена признакомъ того несчастья, которое наконецъ совершилось надъ нимъ.

У счастливаго друга мрутъ,  
У несчастнаго другъ умираетъ...

Чеховъ, дожившій до 44 лѣтъ, продолжалъ собою грустную традицію многихъ русскихъ талантовъ—закатываться въ полдень жизни или даже раннимъ утромъ, какъ это было съ Лермонтовымъ. Сказать, что Чеховъ сдѣлалъ мало для литературы русской, было бы неблагодарно, но какъ много онъ могъ бы еще сдѣлать, если бы не его ужасная болѣзнь. Болѣзнь—но развѣ она была такой случайностью? Мнѣ кажется, какъ и гибель многихъ, можетъ быть большинства русскихъ людей, смерть Чехова ускорена отсутствіемъ въ культурѣ нашей драгоцѣннаго начала—береженья жизни. Не уберегли Пушкина, не пожалѣли Лермонтова, Веневитинова, Полежаева, Языкова: рядъ другихъ талантливыхъ людей сами истощили жизнь свою, сжигая ее съ двухъ сторонъ. Чеховъ не поберегъ себя. Пыля отъ природы не крѣпкое здоровье, имѣя грозное предостереженіе въ смерти брата (художника), погибшаго отъ чахотки, Чеховъ предпринялъ трудное путешествіе на Сахалинъ, и тамъ во время какого-то переезда сильно простудился. Промокъ, продрогъ, и нагдѣ было обшустись. Отъ этой простуды, какъ онъ говорилъ мнѣ, началась его болѣзнь. Можетъ быть, родился онъ въ болѣе культурной странѣ съ безотчетнымъ инстинктомъ береженья жизни, его не пустили бы на Сахалинъ и онъ самъ не рисковалъ бы обречь себя на приключенія

въ полудикомъ краю. Если бы въ нѣтъ и онъ первый чувствовать, что таланта его развѣять есть драгоцѣнность національная, въ Россіи, окружили бы его пѣжимымъ попеченіемъ и онъ принялъ бы это попеченіе просто и естественно, какъ въ Англіи Теннисонъ или во Франціи Бурже. Это вовсе не эгоизмъ и не идеологическое, а вопросъ общественной экономіи. Бурже или Шеръ-Лотти, которыхъ дарованіе было бы сѣбно даже сравнивать съ чеховскимъ, если бы они поехали на Сахалинъ, то обезпеченные комфортомъ, какъ принцы крови, и такого случая, чтобы заставить гдѣ-нибудь въ болотѣ, вымокнуть и не имѣть возможности обшуститься, съ ними не приключилось бы. Застѣвъ во время самой болѣзни Чехову вѣдало, мнѣ кажется, характера, чтобы выдержать строго-гигіеническій режимъ. Ему слѣдовало жить на южномъ берегу безвыѣздно, не мѣняя климата. Въ странѣ, гдѣ цвѣтутъ таланты, его пожелали бы, его не осыпали бы тучей писемъ: «Дорогой Антонъ Павловичъ, когда же вы въ Москву? Неужели вы насъ не порадуете эту осень? Возможно ли, что театръ нашъ (или редація, или литературный кружокъ) лишится счастья?» и пр., и пр. Надо сказать, что Чеховъ хоть и родился и выросъ въ Таганрогѣ, хоть и называлъ себя въ веселую минуту малороссомъ, былъ просто влюбленъ въ Москву и ея окрестности. Жить въ средней Россіи было его мечтой, и его ничего не стоило сбланивать поѣздкой туда. Въ Москвѣ протекли его студенческіе, довольно шумные годы, въ Москвѣ онъ началъ работать въ толстыхъ журналахъ, въ Московской губерніи, въ Серпуховскомъ уѣздѣ, онъ жилъ въ сколько лѣтъ «помѣщикомъ», скитаясь съ другомъ своимъ, покойникомъ Левитаномъ, такимъ же страстнымъ любителемъ Веллкороссіи, по лугамъ и перелѣскамъ на раннихъ зоряхъ или собирая любимые свои боровички. Въ Москвѣ послѣднее время выросъ театръ Станиславскаго, который публично и торжественно самими хозяевами провозглашенъ какъ «Чеховскій театръ». Въ театрѣ этомъ каждый зимній сезонъ играла жена Чехова, молодая артистка (по сценѣ О. А. Квинеръ). Въ Москвѣ жила сестра Чехова, братъ, тутъ былъ похороненъ отецъ. Тутъ было похоронено и жило такъ много родного и радостнаго для Антона Павловича. Трудно ли было сбланивать его поѣздкой въ Москву? Въ Ялтѣ онъ изнывалъ отъ скуки. Но тѣмъ не обходимо было поберегъ эту драгоцѣнную жизнь, и ужъ лучше бы было самой Москвѣ пожать къ Чехову, чѣмъ тянуть его въ свои декабрьскіе холода и вьюги. Сколько я могу

судить, при всей твердости и необыкновенной ясности ума, Чехову, какъ художнику, какъ человеку глубокой, хоть и рѣзкоудрежденно-скрытой пѣжности, не хватало воли, чтобы держать себя въ рукахъ. Онъ не выносилъ долгой разлуки, его тянуло къ любимымъ мѣстамъ и любимымъ людямъ, и онъ жертвовалъ для этого немалыми запасами здоровья, собранными у себя въ Ялтѣ. Живя онъ здѣсь сезонно, можетъ быть, онъ прожилъ бы еще двадцать лѣтъ: такіе случаи въ Ялтѣ всѣмъ вѣстны. Приѣзжаютъ наирѣзъ молодые доктора умирать отъ чахотки—и глядишь, черезъ три-четыре года гуляютъ розовые, хоть и съ кашлемъ, во съ огромной практикой и надеждами пережить своихъ больныхъ. Чеховъ задымался въ Ялтѣ отъ одиночества и толпы поклонниковъ. Тѣхъ, кого любилъ онъ, не было, а звонокъ за звонокъ докладывалъ о неинтересныхъ посѣщеніяхъ, которые начинали съ вопроса:—Ну, какъ ваше здоровье? Хорошее? Нехорошо! А вы попробовали бы и т. д. Посѣтителю не знали, что сказать, закуривали сигару, бѣдный хозяинъ кашлялъ въ свой бумажный фунтикъ и изнемогалъ. Все, чѣмъ жило его сердце, было далеко, на миломъ сѣверѣ...

На столѣ у Чехова лежала мѣдная печать со словами: «Одинокому мѣръ пустыня». Я спросилъ его однажды, что это значитъ. «Это печать моего отца. Когда дѣдъ увидѣлъ ее, сказалъ: надо женить Павла, и его женили». Мнѣ кажется, недаромъ лежала эта печать на столѣ Чехова. Окруженный крайне заботливымъ уходомъ сестры и матери, окруженный иногда сверхъ мѣры пестрымъ и шумнымъ обществомъ, Чеховъ все же слишкомъ часто чувствовалъ себя въ пустынѣ, и можетъ быть умеръ, спасаясь отъ нея...

### II.

Умеръ! Но сколько жизни неумирающей оставилъ послѣ себя этотъ страдалецъ, и какъ неостановимо странно это вдругъ наступившее безытіе. Мы начали любить Чехова еще до появленія его имени на свѣтъ. Помню, какъ въ среднѣ 80 годовъ въ одномъ провинціальномъ кружкѣ шелъ литературный споръ. Жаловались, какъ всегда, что измѣлчала литература. А я только что прочелъ въ «Петербургской Газетѣ» новый крохотный рассказикъ Чеховте, не помню, какой. Помню сладкое восхищеніе, то читательское блаженство, которое испытываешь такъ рѣдко. Господа,—вскричалъ я,—подождите ставить крестъ надъ литературой: да вотъ вамъ великій писатель! Онъ только-что родился, какъ молодой мѣсяцъ въ небѣ... Надо мною постигались тогда, но я былъ

правъ. Поразительная скромность, съ какою Чеховъ выступилъ въ малой печати, очевидно не подозрѣвая, что онъ большой писатель. Красота его таланта имѣла высшую предѣлъ—не сознавать себя; отсюда эта необычайная свѣжесть, непосредственность и стыдливая простота его милой музы, отсюда неистощимый юморъ, подернутый грустью нашей природы. Крохотные рассказы Чеховте засверкали на газетныхъ листахъ, какъ разсыпанные на сѣвѣхъ сукии алмазы. Ихъ многие замѣтили и отыскали. Послѣ перваго же крупнаго дебюта (въ «Новомъ Времени») талантъ Чехова былъ признанъ сразу, и онъ тотчасъ же, безъ спора занявъ мѣсто дофина русской литературы, наследника Льва Толстого. Помню, мнѣ очень хотѣлось увидѣть Чехова, и когда это наконецъ случилось, я подумалъ, что никогда въ жизни не встрѣчалъ болѣе прекраснаго человѣка. Это было лѣтъ двѣнадцать назадъ, у Н. Л. Леонтьева (Щеглова). Тамъ были и другія знаменитости: Чайковский, артистъ Свободинъ, Рачинскій и др., и я не думаю вообще, чтобы въ обшину, какое онъ произвелъ на меня, играло роль его имя. Чеховъ держался необыкновенно скромно,—мнѣ показало, даже робко,—какъ бы пугаясь обычныхъ комплиментовъ и вниманія дамъ. Въ застѣгнутомъ на асъ пуховикѣ сюртукѣ мнѣ тогда уже бросалась въ глаза худая грудь. Токая, средняго роста фигура, открытое и уминое лицо, необычайная простота въ разговорѣ и особенный честный тонъ—ниче я затрудняюсь назвать—эти черты мнѣ показались страшво знакомыми и дорогими. Это черты хорошей тогдашней интеллигенціи, ниче уже какъ будто исчезающей. Поколеніе Чехова, воспитанное на Вѣликомъ, Добролюбовѣ, Писаревѣ, выдвинуло рядъ разнообразныхъ типовъ, между ними были и грубые, съ отѣткомъ пошлаго во всемъ индизма, но были и удивительные по нравственной красотѣ. Мнѣ показалось, что Чеховъ принадлежалъ къ благороднѣйшимъ людямъ этого поколенія, и я не ошибся. Скажу прямо, я встрѣчалъ людей не менѣе искреннихъ, чѣмъ Чеховъ, но людей до такой степени простыхъ, чуждыхъ всякой фразы и аффектированки, я не помню. Это не была напускная, какъ у многихъ, выработанная простота, а требованіе души, для которой всякая фальшь была мучительна. При первомъ же знакомствѣ Чеховъ поразила меня откровенность своимъ къ тому, что для многихъ такъ заманчиво,—къ жизни профессиональных писателей, журналистовъ и вообще интеллигентовъ. «Петербургъ—трисна», говорилъ онъ. «Отсюда надо бѣжать. Надо съ кор-

немъ вырвать себя изъ этой почвы—вотъ какъ вырываютъ рѣдкую... Пуще пропа-деши... Чеховъ убѣждалъ изъ Петербурга, чтобы посвятить себя деревнѣ. Чуть ли не въ долгу, подѣ литературный заработокъ, онъ купилъ себѣ недалеко отъ Лопасы небольшое сѣльцо Мелихово и, кажется, одно время былъ земскимъ врачомъ. Это были лучшие годы его писательства. Онъ былъ еще молодъ и полонъ жизни, ужасная болѣзнь хоть и начинала проникать въ него, но, какъ тайный воръ, еще не была прослѣжена. Мнѣ случилось быть два или три раза, по приглашенію Чехова, въ его деревнѣ. Это была старая мелкопомѣстная усадьба, зашумѣвшая и разоренная, но Чеховъ быстро привелъ ее въ приличный, даже элегантный видъ. Черезъ широкій пустырь, обсаженный вѣковыми березами, дорога шла въ старинную рошу, въ глубинѣ которой ютился изнеженный деревянный домъ съ верандой и цвѣтникомъ. По дорогѣ на высились деревняхъ вѣшали скворечни съ надписью: «Братья Скворцовы». Навстрѣчу выбѣгали привѣтливыя собаки. Привѣтливая прислуга говорила, что хозяйка дома, пожалуйста. Привѣтливость, ласка, изысканность, высокую порядочностью тона вы были окружены въ этомъ скромномъ домикѣ, какъ стихіей. Лѣтомъ 1895 года въ Мелиховѣ я засталъ отца и мать Чехова и его сестру, Марью Павловну. Прямо удивительно, до чего это была милая, симпатичная семья. Отецъ Чехова, теперь уже покойный, былъ высокій сильный старикъ лѣтъ подъ семьдесятъ, чинный и строгій. Онъ хорошо зналъ хозяйство и управление, но нѣмѣлъ завывала менѣе строгая, идеально-добрая Марья Павловна, тогда еще молодая дѣвушка, учительница гимназіи. Отецъ методически велъ журналъ погоды, читалъ «Записки Болотова» и Четьи-Миннеи и отдыхалъ отъ трудовой жизни. Но самымъ трогательнымъ и воспитательнымъ членомъ семьи была мать Антона Павловича, Евгения Яковлевна. На свѣтъ не мало престарѣлыхъ женскихъ типовъ, женщинъ—вмѣстѣ съ дѣтьми—поддерживающихъ свѣжесть существованія, но мать Чехова, мнѣ кажется, исключительно рѣдкая женщина, не менѣе замѣтельная, чѣмъ онъ самъ. Онъ и физически былъ похожъ на нее. Такое это рѣдкое соединеніе сердечности, простоты, прирожденнаго ума и пѣжности. Нечего и говорить, что «Антонъ» въ семьѣ былъ идоломъ, всѣ желанія его были предупреждены. Мать и сестра, сестра и мать, какъ два ангела, тихо рѣшали около дорогаго нѣтъ человѣка, оберегая его сонъ и стогу и асскескій комфортъ. Лучшая комната въ домѣ, простая и свѣ-

лая, была рабочей кабинетъ. Рядомъ съ нимъ шла уединенная эскизами собственнорѣчной работы комната Марьи Павловны. Небольшая «Пушкинская комната» съ портретомъ Пушкина служила библиотекой. Для гостей Чеховъ построилъ въ саду особый флигель со всѣмъ удобствами. А гостей бывало много,—примѣ рѣдин, съѣзжались писатели, актеры, поклонники и поклонники, сосѣди. Приходилось держать много лошадей и работниковъ, и въ конѣ концовъ нашъ «серпуховскій помѣщикъ» (какъ Чеховъ шутилъ иногда поднимаясь) былъ бы сдѣланъ вмѣстѣ съ помѣщикомъ, какъ были купаны своими гостями великое множество помѣщиковъ на Руси. Это оображеніе было однимъ изъ важныхъ въ рѣшеніи продать наконецъ Мелихово, къ глубокой грусти и самого хозяина, и матери, и сестры. Но это случилось пять лѣтъ спустя, когда болѣзнь потребовала долгихъ поѣздокъ на югъ. Въ мое же время, въ среднѣ девятидесятыхъ годовъ, Мелихово еще не было опечалено ничѣмъ, тутъ все было шумно и молодо и полно надеждъ. Чеховъ одинаково любилъ собою и мужчинъ, и женщинъ, его боготворили. Молодость, привлекательность, свобода, заигрывавшее по Россіи и по всему свѣту имя, чудная семья, собственное имѣніе, практика врача, то-есть возможность обшиться съ народомъ и обществомъ, наблюдать жизнь въ ея интимнѣйшихъ складкахъ, и въ довереніе всего, впередъ огромный художественный трудъ, какъ высшее счастье... Все было дано судьбой, чтобы облегчить и одновременно усилить трагедію этой нѣмой души. Онъ боролся, онъ ждалъ жизни, онъ хватался за нее, пока она не выпустила его изъ слабыхъ рукъ... Сколько было надеждъ! Помню, какъ мы пили за успѣхи Антона Павловича въ артистическомъ, какъ онъ увлекался постройками, мечталъ. Всегда изычно и къ лицу одѣтый, окруженный молодыми барышнями, подругами молодой, очаровательной сестры, Антонъ Павловичъ не выносилъ несправедливости русскаго быта. Чувствовалось, что по инстинкту это скорѣе англичанинъ или французъ, что ему мила не какая-нибудь жизнь, загашенная напѣвками и грязью, а непремѣнно чистая, аска, хорошо прибранный, обдуваемый, художественно-нарядная. Все инстинктивное, неуклюжее, будь то въ обстановкѣ, въ одѣждѣ, въ жилищѣ, въ обшачкахъ, въ характерѣ, въ талантѣ,—Чеховъ презиралъ, свѣтлый и чистый, онъ безотчетно сторонился отъ нашего маршарства и все время, всю жизнь, до послѣдняго вздоха мечталъ о настоящей, хорошей жизни. Въ этомъ, мнѣ кажется, вся разгадка его пис-

тельской души. Чеховъ былъ энликуеи въ благородномъ значеніи этого слова. Не сибиритъ, какъ велика назнать сибиритомъ англичанина, связаннаго въ одно комфорта и трудъ. Врагъ всякой романтики, метафизики и сентиментальности, Чеховъ былъ реалистъ чистѣйшей воды, только безъ грусти, свободной отъ драматизма этого типа. Реализмъ въ своей сущности есть честность души, нежеланіе ея обманывать ни другихъ, ни себя. Чеховъ во всемъ бралъ достоинство, крѣпкое, прочное, во всемъ первоосновное, совершенно такъ англичанинъ, требующій непремѣнно хорошей гимназіи, хорошаго супа, хорошаго прамѣна, хорошей философіи и науки. Идеалъ феодальной цивилизаціи, основанной на работѣ, Чеховъ презиралъ потому, что въ ней наряду съ кое-чѣмъ хорошаго востерннго сибиритъ отношеніе человека къ человеку, безобразная дѣла одна въ и скотскій трудъ другихъ. Идеалъ буржуазной цивилизаціи Чеховъ тоже конечно презиралъ: это видъ тоже крѣпостничество, гдѣ побѣда силы надъ слабостью замѣнена побѣдой хитрости надъ глупостью. Сколько мнѣ вѣстнго, Чеховъ—хоть и работавъ въ либеральныхъ журналахъ—превѣрженно относился къ нашей либеральной практикѣ. Онъ во всемъ требовалъ подлиннаго, а нашъ либерализмъ такъ часто поддѣльный. «Не лгите, не лгите, не лгите», вотъ что говорилъ этотъ писатель либеральной интеллигенціи, ни достаточно либеральной, ни достаточно интеллигентной. Помните философствующаго дѣтля изъ «Палаты № 6», вспомните профессора изъ «Скудной исторіи» или другого профессора изъ «Дяди Рани», вспомните длинный рядъ либерально-ражуждающихъ вытѣковъ, изслѣвѣ, слабыхъ, присосащавшихся къ какому-нибудь или земскому пирогу и пагубающихъ отъ пылкости и лѣни. Реальность и либералъ, Чеховъ глядѣлъ на русское общество, какъ англичанинъ, понашій въ русскій уадашій магазинъ, съ прѣзрительной усмѣшкой. Плохой товарищ! Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не плохой товарищъ наше молодое общество, только-что вышедшее изъ крѣпостнаго права? Лѣтъ помѣщика, лѣтъ чиновника, обшнее невѣжество и безпутство—развѣ это школа для выработки настоящихъ, дѣльных людей? Гдѣ же сильные характеры, гдѣ неутомимый трудъ? Чеховъ со своимъ оорностью былъ оскорбленъ нашей неудавшейся исторіей, нашимъ одичавшимъ народнымъ бытомъ, нашимъ безобразнымъ интеллигентомъ. Съ нимъ случилось то же, что съ большаиствомъ русскихъ талантовъ: онъ былъ оглавленъ действительностью и страдалъ отъ нея. Но это вовсе не надрезанный

заковъ—возможна иная жизнь, и Чеховъ это чувствовалъ. Возможна сильная, красивая действительность, заражающая здоровьемъ, и Чеховъ страстно ждалъ ея и вбрасывалъ въ нее. «Мы увидимъ жизнь счастливую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и отдохнемъ», говорилъ Соня (изъ «Дяди Ванни»),—«я вбрую, дядя, и вбрую горячо, страстно...» «Пройдетъ время, и жизнь наша будетъ неотразимо прекрасна, изящна и увлекательна». Это, доходящее до пароса убежденіе, что счастье человечества такъ возможно и такъ близко, было для Чехова какъ бы нитью Ариадны въ темнотѣ лабиринтъ его недолгой жизни.

### III.

Помню Чехова склонившимся надъ розами его цвѣтника, обирающимъ червячковъ. Онъ любилъ дѣти и ухакивалъ за ними съ большимъ терпѣніемъ. Помню его нѣжность къ «Брону» и «Юду», шоколаднаго цвѣта таксикамъ,—съ одного изъ нихъ срисованъ безподобный Капитанка, герой вѣстнаго рассказа. Помню, какъ подъ вечеръ мы съ Чеховымъ ходили искать подберезовики на старую алею при въездѣ. Мать Чехова, Евгения Яковлевна, раньше насъ обходила тѣ же мѣста, но оставляла грибки «для Антоши». Помню купальню со множествомъ карасей, оставленныхъ «для Антоши». Помню поэтическую горку въ саду, откуда были видны деревня и поля, гдѣ по вечерамъ звенѣлъ непрерывный смѣхъ и гремѣли пѣсни. Помню одну июльскую ночь на этой горкѣ, когда небо всхлипало зарницами и далекая гроза поднималась изъ-за горизонтовъ... Шло что-то страшное, вѣное, зловѣще-подмигивающее, жестокое, а мы, сжавшись въ кучу, шутили и разсуждали. Чеховъ иногда былъ заразительно веселъ и смѣялся почти дѣтскимъ смѣхомъ, но помню его и подавленнымъ, съ печатью какого-то строгаго соглашения съ тѣмъ смертнымъ приговоромъ, который надъ нимъ висѣлъ. Что Чеховъ былъ несравненный собесѣдникъ, объ этомъ говорить не нужно, но онъ былъ застѣнчивъ и раскрывался не для всѣхъ. Художественная память его была нейтральна. Чувствовалось, что онъ наблюдаетъ постоянно и ненасытно: какъ фотографическіе аппараты, его органы чувствъ мгновенно закрѣпляли въ памяти рѣдкія сцены, выраженія, факты, разговоры, краски, звуки, запахи. Нѣрѣдко въ разговорѣ онъ вынималъ маленькую записную книжку и что-то отмѣчалъ:—«это нужно запомнить». Работалъ онъ съ тщательностью ювелира. Его черновикъ я принялъ однажды за нотный листъ,—до такой степени

они часты были зачеркнуты жирно мѣста. Онъ проплативо отбывалъ свой чудный слогъ и любилъ, чтобы было «густо» написано: немного, но многое. У него было множество набросковъ и черновиковъ; выпросить у него что-нибудь для журнала было не такъ легко. «Будь я миллионеръ,—говаривалъ онъ,—я бы писалъ верши только съ ладонь величиной». Какъ Монассана, котораго Чеховъ читалъ со страстью и которымъ глубоко восхищался, Чехова тянуло не къ длинному роману, гдѣ столько всегда придуманнаго, а къ новеллѣ, къ мелкому рассказу, мгновенно выходящему изъ природы или своего сердца. Кажется Вогюэ называлъ Чехова кинематографомъ русской жизни. Безчисленные рассказы его только кажутся отрывками; вмѣстѣ взятые, они сливаются въ широкую и живую картину, въ самодвиженіе русской жизни, какъ она есть. Бестолковая критика и сбитая ею съ толку публика требовали большого романа. Чехова раздражали эти требованія. Онъ пробовалъ вытянуть себя въ длину, и неудачно. Огромный талантъ пренебрегалъ его отъ дальнѣйшихъ попытокъ. Для рутинной публики достаточно рутинныхъ бѣдствій: на каждый крохотный искрапился и душистый рассказикъ Чехова приходится не меньше, чѣмъ по дюжины грузныхъ романовъ его болѣе счастливыхъ коллегъ. Кстатіи о нихъ: Чеховъ относился къ своимъ собратьямъ съ рѣдкимъ благородствомъ. Въ то время какъ вѣкторые изъ его «друзей»,—я слышалъ лично отъ нихъ,—за-глаза ругали его жестокостью и взводили самыя мерзостныя (до нечеловѣчности) обвиненія, онъ относился къ этимъ жалкимъ завистникамъ съ большимъ добродушіемъ, иногда переписывался съ ними, поздравлялъ съ юбилеями. Изъ молодыхъ бѣдствій Чеховъ былъ кажется всего ближе къ Горькому, хотя не разъ тревожила его: что будетъ писать авторъ «Дна», когда очерпаетъ типы босяковъ. Я не подумалъ и тѣмъ зависти у Чехова къ невѣроятному шумному усѣху Горькаго. Напротивъ. Однажды въ Москвѣ, въ его маленькой квартиркѣ у Савдунскихъ банъ, шла рѣчь о Горькомъ. «Вы не знаете, что это за чудный человекъ,—говорилъ Чеховъ,—славный, душевный, искренній...» Раздался звонокъ, въ дверяхъ показался самъ Горькій. Я помню, какъ было необычайно для меня видѣть искренняго, дѣйствительно дружескія отношенія двухъ знаменитостей. Въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ есть чрезвычайно теплый отзывъ Чехова о Скитальцѣ; очень цѣнилъ онъ автографа «Дѣтей Ванюшина» и др. Дурныхъ же

отзывовъ его я что-то не помню, или они были слишкомъ ужъ заслужены. Объ отзывѣ Чехова къ Л. Н. Толстому у меня хранится большое, похожее на исповѣдь, его письмо, необыкновенно искреннее. Къ обществу, здѣсь, на берегу моря, откуда я пишу эти строки, у меня нѣтъ писемъ Чехова съ собою. Искренній поклонникъ художественнаго таланта Толстого Чеховъ былъ подъ сильнымъ впечатлѣніемъ и моральной проповѣди его, но къ философіи Л. Н. онъ остался совершенно холоденъ. Религіи Чеховъ не любилъ касаться. Только одинъ разъ въ Ялтѣ, на берегу моря, у насъ какъ-то завязался разговоръ о Богѣ и быстро оборвался. «Я не знаю», сказалъ Чеховъ: «что такое вѣчность, безконечность, я себѣ объ этомъ ничего не представляю, равно ничего. Жизнь за гробомъ для меня что-то застывшее, холодное, вѣное... Ничего не знаю». Трезвая и честная душа его боялась бреда, боялась внушеній, противорѣчавшихъ опыту, боялась того «раздраженія плѣнной мысли», которыя многіе принимаютъ за голоса свыше. Но той познания, которая сопровождается вбру, Чеховъ не былъ чуждъ. Онъ съ теплымъ чувствомъ вспоминалъ объ обычаяхъ въ ихъ семьѣ, начавшая съ 1 сентября читать ежедневно по вечерамъ «Житія Святыхъ», и во многихъ рассказахъ эта дѣтская начитанность Чехова очень замѣтна. Зналъ монастырскаго колокола на зарѣ вечерней, искры солнца на далекихъ крестахъ, умиленіе бѣдной человѣческой молитвы, тихіе восторги сердца и преданіе себя Высшей Волѣ—все это было понятно Чехову, и можетъ быть, не такъ ужъ чуждо. Многія мѣста, которыя не мѣня подѣ руками сочиненій Чехова, я не могу цитировать, убеждають въ его глубокомъ постиженіи народной вѣры, которая отъ поэзіи жизни неотдѣльна. Да и какъ въ самомъ дѣлѣ, любя Россію, любя народъ, любя свою прелесть и вбрующую по народному мѣру, какъ было Чехову совѣтъ не любить того, во что даже не вбрулось?

Я сказалъ уже, что Чеховъ по повышенности требовательности напоминалъ собою англичанина. Да, но это не мѣшало ему быть насковъ русскимъ, и даже болѣе русскимъ, чѣмъ большинство русскихъ. Большиство—неряхи, лѣнтяи, кисляи и вообще расползается всякій стиль; «авось» и «какъ-нибудь»—это значитъ отсутствіе всякой филономіи. Повышенная же требовательность есть повышенная индивидуальность, это болѣе опредѣляющаяся, отечественная порода, это сама національность въ

ея возможной законченности. Глядя на Чехова, я часто думалъ: вотъ какими будутъ русскіе, когда они окончательно сбѣгутся европейцами. Не утрачивая милой мягкости славянской души, они доведутъ ее до изыщества. Не потерявъ добродушія и юмора, они сбросятъ только цивилизмъ. Не разставаясь съ своей природою, они только очистятъ ее отъ заскорузлой тины, грязи, лѣни, невѣжества и ере разъ лѣни. Русскій европеецъ,—я его представляю себѣ существомъ трезвымъ, воспитаннымъ, изящнымъ, добрымъ и въ то же время много и превосходно работающимъ. Такимъ былъ Чеховъ, какъ человекъ, помню его прекраснаго таланта.

### IV.

Подъ вечеръ, когда крестьяне возвращались съ полей, Чеховъ проводилъ меня по деревнѣ. Заходили въ избы, останавливались со вѣтранными. Въ поклонѣхъ мужиковъ, въ разговорахъ чувствовался почти семейный, дѣловыи и вмѣстѣ сердечныи отношенія. Ни тѣмъ сентиментальности. Я слышалъ, что Чеховы—вся семья—дѣлають много добра крестьянамъ, но озорства не любили. Какъ-то вечеромъ, въ темную августовскую ночь въ саду у Чехова грянуло два выстрѣла. «Воровъ пугають», замѣтилъ Чеховъ: «яблоки воруютъ».—Но если попадутъ въ человека?—спросилъ я.—«Да выстрѣлы холостые. Это сторожъ приду-малъ для своего престижа». Каждый день ходили къ Чехову лезиться, иногда изда-лека. Ходили за юридическими совѣтами, отнимали время. Происходя изъ крестьянъ, Чеховъ не слишкомъ уважалъ народъ, онъ видѣлъ насковъ и достоинства его, и грѣхъ. Гудая по деревнѣ, онъ показывалъ мнѣ, съ кого списаны нѣкоторые типы «Мужиковъ» и «Въ оврагъ». По словамъ Чехова, молодежь крестьянская гораздо лучше стариковъ, и грамотные лучше неграмотныхъ. Населеніе по Московско-Курскому тракту съ давнихъ временъ развращено дорогой. Фельдшгеря, курьеры, господа, ящики—все это создавало разные скверные промыслы около проезжихъ. Тенерейная крестьянская молодежь разсудительнѣе и держитъ себя съ большимъ достоинствомъ. По словамъ Чехова, сухая клевета, будто крестьянскія дѣвки распутны. Какъ докторъ, онъ убѣдился, что это неправда. Вообще народъ оклеветанъ въ литературѣ. Нужны школы, нужна медицинская помощь, юридическая и всякая иная, нужна энергическая работа правительства и земства, нужно отношеніе къ народу благородное—и народъ быстро облагородится, подымется изъ грязи. Въ своихъ крестьянскихъ рассказахъ Чеховъ выводилъ ужасные типы, но на ряду съ ни-

ми и право патѣнительные, особенно среди женщинъ.

Какъ относился Чеховъ къ женщинамъ? Для романиста знаніе женской души то же, что знаніе тѣла для скульптора. Не время конечно говорить объ этой сторонѣ жизни Чехова. Въ своей родной семьѣ онъ могъ наблюдать на рѣдкость милые, прекрасные женскіе типы. И былъ не разъ свидетелемъ самаго восторженнаго восхищенія, какое Чеховъ вызывалъ у очаровательныхъ дѣвушекъ. Вѣроятно, онъ имѣлъ бы ошеломляющій «усѣхъ» у дамъ разнаго круга, если бы это было не ниже его души. Замѣтно было, что Чехову любовь—какъ и Тургеневу—давалась трудно. Вкушая, онъ здѣсь «вкусилъ мало меда»... Лѣтъ девять назадъ онъ говорилъ мнѣ: «Вотъ, что такое любовь: когда вы будете знать, что къ вамъ возлюбленной пришелъ другой и что онъ счастливъ; когда вы будете бродить около дома, гдѣ они укрылись; когда васъ будутъ гнать какъ собаку, а вы все-таки станете ходить вокругъ и умолять, чтобы она пустила васъ на свои глаза—вотъ это будетъ любовь». А черезъ пять лѣтъ мы какъ-то позднимъ вечеромъ ѣхали изъ Гурзуфа въ Ялту. Стояла чудная ночь. Глубоко внизу подъ ногами лежало сонное море, и точно горсть брильянтовъ—горѣли огоньки Ялты. Чеховъ сидѣлъ крайне грустный и строгій, въ глубокой задумчивости.—Что же такое любовь? спросилъ нашъ спутникъ въ разговорѣ со мной. «Любовь—это когда кажется то, чего нѣтъ», вставилъ мрачно Чеховъ и замолкъ.

У каждого человека непремѣнно есть своя комедія жизни и своя глубокая драма, у людей значительныхъ—особенно. Я не пишу ни биографіи Чехова, ни связанныхъ воспоминаній, я не касаюсь, ни курьезовъ, ни трагедій его жизни. Въ эти дни смертельно жалъ его. Невольно бродилъ въ прошломъ, около его малаго облака, который—стоитъ закрыть глаза—и вотъ онъ, какъ живой. До плечей слышались его мягкіи басокъ, его добрую, тихую усмѣшку. Еще вѣсколь-ко дней назадъ у Россія былъ Чеховъ и уже какимъ-то волшебствомъ его не стало... Но гдѣ же ты? Что значитъ, что тебя нѣтъ?

Для Россіи это значитъ, что она лишилась одного изъ своихъ представителей въ человечествѣ, одного изъ тѣхъ, кто отвѣчаетъ за весь народъ свой, сейчасъ и въ будущемъ, и одинаково въ Австраліи и въ Иадіи, во Франціи и Америкѣ. Умерла еще одна гордость наша, еще одна безспорная слава. Печаль безграничной цѣны тонкой и могучей аппаратъ, отмѣчавшій явленія

самыя важныи и самыя неустойчивыи, вводящій жизнь въ сознаніе. Печаль огромнаго таланта и золотое сердце. Россія такъ бедна дарованіями, и вотъ хищная лава смерти вырываетъ у народа самый заветный самоцѣнный камень. Подите-ка важныи другіе Чехова!

Для тѣхъ же, кто лично знаетъ Чехова и восхищеніемъ привязанностью къ нему сиранивалъ свое бѣдное существованіе, для его сверстниковъ, для людей его возраста это потеря прямо страшная. Наше поколѣніе вмѣстѣ съ Чеховымъ умираетъ для исторіи, ибо кто изъ насъ останется въ потомствѣ, кого вспомнятъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ? А Чехова будутъ читать сотни миллионовъ читателей, и нѣкоторыя его вещицы достойны будутъ пережить языкъ русскій, если онъ когда-нибудь соприкоснется на землѣ. Смерть Чехова оставляетъ огромную пустоту въ жизни тѣхъ, кто его любилъ. На свѣтѣ такъ мало интересныхъ людей, такъ мало истинныхъ артистовъ, около которыхъ чувствуешь себя въ присутствіи какъ бы нездѣшняго духа, волнующаго, возбуждающаго къ жизни. На свѣтѣ такъ мало ума и чувства, по крайней мѣрѣ въ ихъ чудную минуту возникновения, когда отъ нихъ пахнетъ свяжестью всего только что родившагося. Живо источникъ ума и вкуса, великій артистъ, будь это писатель или художникъ, то же, что родникъ въ пустыни. Еще большій вопросъ, не погибло ли бы человечество отъ моральной жажды, не явился ли на свѣтѣ эти гремучіи ключи изъ нѣдръ природы. Всѣ мы пьемъ отъ этихъ ключей, отъ Гомера до Толстого включительно. Даже въ первобытномъ и безграмотномъ народѣ: не являлся среди него такіе же безграмотные артисты, художники мысли, пѣвцы, мыслители,—еще вопросъ, не засохло ли бы великое дерево народное на своемъ корнѣ?

### V.

Еще не оупущено тѣло Чехова, какъ заговорили о замѣчательномъ памятникѣ ему. Это прекрасно, но почему именно на могилѣ ставить памятникъ? Почему не на какой-нибудь площади въ Москвѣ или Петербургѣ? Потому что это было бы слишкомъ естественно и просто, а у насъ обычай класть великаго человека подъ сукно, ждать, когда его забудутъ, когда вымретъ все поколѣніе его знавшихъ и любившихъ, когда векомъ будетъ протестовать противъ чуждой или мраморной карикатуры, которую воздвигаютъ подъ названіемъ монумента. Я не понимаю смысла кладбищенскіи памятники. Пользайтесь на Волково,—не смѣшны ли эти высокіе бюсты писателей, глядящіе въ заглохъ другъ другу? На могилѣ при-

личей простѣе—и только. На площади, среди зелени и цвѣтовъ—другое дѣло, но статуя замѣчательнаго человека непременно должна быть высоко-художественной работы. Чеховъ умеръ въ свой юбилейный годъ: какъ разъ теперь исполнилось 25-лѣтіе его писательства. Изъ подражанія полякамъ, которые подвели Сенкевичу и Ковалинскому по мѣрѣ въ видѣ національнаго подарка, и у насъ заговорили было—не поднести ли Чехову всероссійскій подарокъ въ видѣ усадьбы, о которой онъ столько мечталъ. Поговорили и тотчасъ же позабыли. Я думаю, самъ Чеховъ воздвигъ себѣ достаточно замѣтный «памятникъ нерукотворный», и лишній бюстъ писателя мало прибавилъ бы къ памяти о немъ. Устраиваютъ въ Москвѣ школу его имени.

Мысль хорошая, но лишь при условіи, что школа будетъ превосходной. «Моя мама пателлигентная», говорилъ мнѣ Чеховъ съ теплымъ чувствомъ: «это она насъ отдавала въ гимназію. Иначе быть бы мнѣ въ приказникахъ».

Кто знаетъ, не томится ли въ приказникахъ десятка Чеховыхъ по разнымъ городамъ какъ разъ противъ гимназій, куда они не попали? Кто знаетъ, среди гимназистовъ, обреченныхъ быть взятыми изъ гимназій до конца курса,—«довольно, молъ, учись: пора за прилавкомъ»,—среди нихъ не бѣгаютъ ли маленькіе Чеховы, отчаянные шалуны и забавники, какъ онъ когда-то? Вывести бы хоть одну великую душу изъ темноты нашего народнаго быта, обнаружить бы хоть одинъ вотъ такой же драгоценный, какъ у Чехова, талантъ—это было бы, мнѣ кажется, самымъ достойнымъ поклоненіемъ его памяти. Нужно всѣми силами поддерживать въ своей странѣ традиціи величія и благородства, нужно, не откладывая минуты, снискать вызывать къ жизни подземные заглохшіе ключи, иначе пустыня насъ одо-лѣетъ. Народъ въ своихъ нѣдрахъ неистощимо богатъ. Какъ земля, онъ полонъ золота и алмазовъ. Только дневного свѣта недостаетъ, чтобы это золото—сердце народное—засіяло тысячами искръ и огоньковъ. Школа вещь хорошая, но вѣдь это полубообразование. Пралачнѣе было бы съ именами замѣчательныхъ людей связывать университеты, лицеи, гимназій, т. е. школы съ законченными развитіемъ. Народная гимназія, превосходно поставленная, вотъ что могло бы изъ мрака народной смерти—изъ тѣмъ невѣжества—добыть Россіи второго Чехова. Это единственный способъ возмѣстить огромный уронъ, нанесенный этой смертью.

И. Мамыкинъ.